

RESUMÉ

Structural Linguistics and Modern Linguistics

The article outlines the structural period (usually spanning 1916 through 1957) in the history of the world linguistics while emphasizing its importance in the study of Slavic languages, especially Czech and Russian.

Despite the fact that the structural epoch finished and was replaced by modern language theories its methods are still in use. Many of its terms and notions (functions, oppositions, neutralization of oppositions, etc.) are used by linguists of different schools and thus continue developing. The ideas of the Prague school and American descriptive linguistics are especially significant.

Keywords: Ferdinand de Saussure, structuralism, the Prague school, American descriptive linguistic

проф. Алпатов Владимир Михайлович
Институт языкоznания РАН
Москва 125009
Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1
iling@iling-ran.ru

СТРУКТУРАЛИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

B. M. Аллатов

В истории мировой лингвистики, безусловно, важное место занимал структурный период. Его временными границами чаще всего считаются 1916–1957 гг., от публикации «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра до появления «Синтаксических структур» Н. Хомского. Разумеется, не все лингвисты этого периода работали в рамках структурализма. Исторические и сравнительно-исторические исследования велись в XX в. и ведутся в XXI в. на основе теоретических представлений, сложившихся в XIX веке. С другой стороны, идеи, сходные со структуралистскими, учёные высказывали и до Ф. де Соссюра; особенно надо отметить И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского. Впоследствии ученик Бодуэна Е.Д. Поливанов, познакомившийся с соссюровским «Курсом» уже сформировавшимся ученым, даже писал: «Посмертная книга F. de Saussure'a, которая многими была воспринята как некое откровение, не содержит в себе буквально ничего нового в постановке и разрешении общелингвистических проблем по сравнению с тем, что давным-давно уже было добыто у нас Бодуэном и бодуэновской школой» [Поливанов 1968: 185].

Однако посмертный «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, безусловно, имел наибольшее влияние. Видный советский лингвист А.М. Сухотин, переводчик изданного в 1933 г. на русском языке «Курса», говорил студентам, сказавшим, что Соссюра они проходили в прошлом году: «Соссюр был в прошлом году! Соссюр есть в этом году! Соссюр будет и в будущем году и еще потом – потом – потом! Соссюр – явление не сезонное!» [Панов 2007: 785]. Но у Ф. де Соссюра отсутствовало чёткое понятие фонемы; здесь опорой служили идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ.

Между новой и старой научными парадигмами имелись значительные различия, которые не сводились лишь к тому, что основное внимание уделялось не истории языка, а синхронии. Учёные старой парадигмы ценили исключительно поиски и анализ самостоятельно добытых фактов, извлеченных из письменных источников или полученных в диалектологических экспедициях. Один из них, А.И. Томсон, в 1928 г. писал Б.М. Ляпунову: «Об общих вопросах имеет право рассуждать только тот, кто сам годами баражтался в разрешении частных вопросов и потому может говорить по опыту, не с чужих слов» [Робинсон 2004: 153]. О Н.С. Трубецком и В. Дорошевском он писал тому же адресату в 1934 г.: «Что это всё означает?... По-моему, лишь одно: слабосилие. Не могут больше преодолевать подготовительной работы по изучению накопившихся данных по истории языков, особенно по сравнительному языкоковедению.... Очевидно, силы истощены» [Робинсон 2004: 175].

Лингвисты новой парадигмы смотрели на свои задачи по-иному. «Весь пафос нашей работы заключался в том, чтобы показать систему языка во всей полноте

его реального функционирования» [Аванесов 2004: 16]. Лингвисты Пражской школы или дескриптивисты не отказывались от самостоятельного поиска фактов (глоссематика скорее была исключением), но у них не было свойственного их предшественникам «преклонения перед фактом», по выражению В.Н. Волошинова. Как писал В. Брёндаль, «новая точка зрения, известная уже под названием структурализма», исходит из того, что «реальное должно обладать в своём целом тесной связью, особенной структурой».

Идеи и методы структурной лингвистики в основном сложились за два межвоенных десятилетия. 1920-1930-е гг. в мировом языкознании были, прежде всего, периодом движения в направлении структурализма, пусть в разных странах несколько по-разному. В частности, хотя в СССР до конца 50-х гг. не использовался термин «структурализм», но многие лингвисты, особенно фонологи, работали в структурной парадигме.

С помощью структурных методов изучались многие языки, включая славянские (более всего чешский и русский). Для большинства структуралистов преобладающей областью исследований стала фонология. Сформировались методы анализа языкового материала, по строгости значительно превосходившие то, что было раньше. Эта строгость, кстати, позволила структурализму в отличие от традиционного исторического языкоznания получить практическое применение. В США в годы войны дескриптивные методы применялись в дешифровке, а в СССР активно развивалось конструирование алфавитов для многих языков. Это конструирование было, по сути, прикладной фонологией. Традиционная фонетика не могла здесь помочь, а фонология создавала для такой работы научную базу; с другой стороны, разнообразные по фонологическому строю языки СССР давали обширный материал для исследований (этот материал активно использовал и Н.С. Трубецкой в «Основах фонологии»). Уже после войны, особенно с начала 1960-х гг. развернулись и прикладные исследования по автоматической обработке языковой информации и особенно тогда популярному машинному переводу; к тому времени уже стало ясно, что это не чисто технические задачи, и решаться они должны с участием лингвистов. Исследования по автоматической обработке информации и машинному переводу стимулировали структурные исследования, в частности, в СССР. К концу структурного этапа в лингвистике закономерно получила развитие принципиально новая сторона: математизация и формализация. Тогда считалось, что степень развития науки прямо пропорциональна степени ее математизации, а в лингвистике опыты применения «точных методов» оказались наиболее многочисленными по сравнению с другими гуманитарными науками.

При бесспорных успехах структурализм к началу второй половины XX в. показывал свою ограниченность, начали говорить о его кризисе. Установленные Ф. де Соссюром строгие рамки изучения - язык, а не речь – на какое-то время были полезными, позволив сосредоточиться на углублённом исследовании ограниченного круга явлений. Но со временем они стали слишком тесными. На ограниченность структурных методов указывали их критики. Так В.И.

Абаев в 1960 г. писал, что эти методы успешно применены в фонологии, дали лишь частичные результаты в морфологии и синтаксисе и потерпели неудачу в семантике [Абаев 2006: 103]. Типология занимала определённое место у пражцев (В. Скаличка), однако в большинстве направлений классического структурализма от глоссематики до дескриптивизма интереса к ней не было.

В период восходящего развития структурализма оппозиционные к нему направления не занимали значительного места в мировой науке (неогумбольдтианство в Германии, В.Н. Волошинов – М.М. Бахтин в СССР). Однако ситуация стала меняться с конца 50-х гг., когда начиная с «Синтаксических структур» (1957) появились работы Н. Хомского. Он подверг идеи структурной лингвистики уничтожающей критике. В книге «Язык и мышление» (1968) он назвал концепцию структурализма неадекватной в фундаментальном отношении.

Хомский осудил точку зрения Ф. де Соссюра, согласно которой «единственно правильными методами лингвистического анализа являются сегментация и классификация», поскольку «такой таксономический анализ не оставляет места для глубинной структуры в смысле философской грамматики» [Хомский 1972: 30–31]. «Современная структурная и дескриптивная лингвистика... ограничивается анализом того, что я называл поверхностной структурой, она ограничивается формальными свойствами, которые эксплицитно присутствуют в сигнале, составляющими или другими единицами, которые могут быть выведены из сигнала при помощи определенных методов сегментации и классификации» [Хомский 1972: 30]. Кроме того, у Соссюра «процессы образования предложений вовсе не принадлежат системе языка», поэтому «за весь период развития структурной лингвистики в области синтаксиса сделано очень мало» [Хомский 1972: 31].

«Убогой и совершенено неадекватной концепции языка, выраженной Уитни и Соссюром» [Хомский 1972: 32], Н. Хомский противопоставил идеи, ставшие основой новой, генеративной лингвистической парадигмы. Вместо задачи описания языка задача построения объяснительной науки о языке, вместо процедур открытия речевых регулярностей моделирование деятельности носителя языка. Вместо фонологии синтаксис. Снимался запрет на использование интуиции исследователя и интроспекции. Вместо охвата всё большего количества языков сосредоточение на английском языке, наиболее пригодном для учёта интуиции. При этом, однако, возникла опасность посчитать типологические особенности этого языка базовыми свойствами языка вообще. В то же время генеративизм унаследовал многие из черт структурализма, среди них построение формальных, математических моделей и недооценка семантики.

Генеративизм, прежде всего, нацелен на вечные, неизменные свойства языка, понимаемые как синтаксические свойства; в его рамках фактически оказались невозможны ни типология, ни диахроническая лингвистика.

С появлением генеративизма структурный период развития мировой лингвистики завершился, хотя в разных странах не одновременно: в СССР 60-е гг. ещё проходили под его знаком. Место структурализма заняли другие научные парадигмы: генеративная и функциональная. Генеративизм преобладает в США

и ряде других стран; порождающие грамматики значительно продвинули вперёд исследование синтаксиса, однако славянские языки охвачены ими довольно мало. Возможно, это связано с ориентацией генеративизма на особенности английского языка вроде жёсткого порядка слов и слабого развития словоизменения. Однако в СССР или Японии генеративизм так и не стал ведущим направлением.

Функциональная парадигма, более распространённая в Европе, не составляет единства, её направления (прагматика, теория речевых актов, дискурсный анализ, лингвистика текста, картины мира, речевые жанры и др.) объединены тем, что выходят за рамки изучения языка как системы знаков, исследуя его функционирование (что способствовало интересу к неожиданно ставшей актуальной книге В.Н. Волошинова).

Функционализм также считает недостаточным описательный подход к языку и ищет пути к объяснительному подходу, но делает это иначе. В отличие от генеративизма определяющей областью лингвистики признаётся не синтаксис, а семантика. Её исследования в целом были малоуспешны и в «традиционной», и в структурной лингвистике и лишь здесь семантика оказывается в центре внимания. Функционализм не только общим, но и особым в языках, поэтому в данной парадигме активно развиваются типологические исследования. В них «на смену безраздельного господства... КАК - типологии приходит объяснительная ПОЧЕМУ – типология, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования / несуществования тех или иных явлений» [Кибрик 1992: 29]. Степень формализации здесь много ниже, чем в структурализме и в генеративизме. Русский и другие славянские языки активно используются здесь в качестве материала, нередко и в качестве основы для теоретических построений.

В отличие от структурализма и генеративизма функционализм не налагает явных ограничений на свой предмет, включая в область исследований всё, что связано с процессами говорения и слушания. Как писал А.Е. Кибрик, «то, что считается «не лингвистикой» на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным. В целом он направлен в сторону снятия априорно постулированных ограничений на право исследовать такие языковые феномены, которые до некоторой степени считаются недостаточно наблюдаемыми и формализуемыми и, следовательно, признаются непознаваемыми. И каждый раз снятие очередных ограничений дает новый толчок лингвистической теории, конкретным лингвистическим исследованиям. Обнаруживаются новые, не замечавшиеся ранее связи, обогащается и вместе с тем упрощается представление о языке». Вывод: «Все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик 1992: 20].

Снимается принципиальное и в позднем структурализме, и в генеративизме требование построения формальных моделей того, что исследуется. «Далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний.... Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа

мышления и строить деятельностную модель языка на принципе неполной детерминированности» [Кибрик 1992: 33]. Однако отказ от алгоритмов и формализмов может приводить к противоположному уклону: в сторону субъективности и непроверяемости построений. А расширение границ науки, безусловно, необходимое, может приводить к отказу от выделения границ вообще.

Классический структурализм во второй половине XX в. отошел на задний план, многие приоритеты изменились. Фонология в эпоху структурализма вырвалась далеко вперёд по сравнению с другими лингвистическими дисциплинами, в которых проявлялся фонологический редукционизм, перенос, например, на область лексики фонологических методов (компонентный анализ, семантические множители и пр.). Фонологию полагалось строго отделять от фонетики, а «чистая» фонетика рассматривалась многими фонологами как отклонение от магистрального пути лингвистики. Но с 60-х г. фонология утеряла статус кузницы новых лингвистических методов, и ещё недавно центральная для лингвистики дисциплина отошла на её периферию. При этом изучение звуковой стороны языка в последние десятилетия стало очень активным, но не за счет развития фонологии, а за счет развития фонетики, а две, как казалось одно время, далеко разошедшиеся дисциплины явно стали сближаться. «В современную эпоху традиционные фонологические модели, ориентированные на классификационные задачи описательного языкознания, оказываются недостаточными. На первый план выдвигается моделирование реальных процессов производства и восприятия звуковой речи. Многие из них получают естественное переосмысление в прикладных разработках, связанных с компьютерной имитацией звуковых процессов, - синтезом и распознаванием речи» [Кодзасов, Кривнова 2001: 15].

В функциональной лингвистике последних десятилетий снимается жёсткое противопоставление языка и речи, что видно на примере фонетики. Снимается и дихотомия синхронии и диахронии в той жёсткой форме, которую придал ей Ф. де Соссюр. Принимается постулат о том, что языковая форма всегда, в конечном итоге, мотивируется смыслом, но эта мотивация может быть стёрта, и надо искать исходное состояние, обращаясь к диахронии. Для начала XX в. обе дихотомии были шагом вперёд, позволяя упорядочить наблюдаемые явления, но в дальнейшем они стали ограничивать развитие науки о языке.

Но в то же время ряд идей структурной лингвистики продолжает развиваться. Сам термин «функционализм» указывает на родство с введённым Пражским кружком понятием функции. Пражцы подходили к лингвистическому анализу с функциональной точки зрения, рассматривая язык как систему средств выражения, служащую какой-либо определённой цели. Это уже был выход за пределы чисто структурного подхода, нашедший продолжение в современной лингвистике.

Эпоха структурализма закончилась, но это не значит, что структурные методы вышли из употребления. Многие их понятия (оппозиция, нейтрализация оппозиций и др.) используются авторами разных взглядов, особенно существенными оказываются идеи Пражского кружка и дескриптивизма.

Методы структурного анализа языковой системы, более сего разработанные в дескриптивизме, позволяют получить сопоставимые описания различных языков, а теоретические идеи пражцев остаются актуальными. И не надо недооценивать прикладные применения структурных методов, некоторые из них перечислялись выше.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 2006 – Абаев В.И. Статьи по теории и истории языкознания. М., 2006.

Аванесов 2004 - Аванесов Р.И. Владимир Николаевич Сидоров // Отцы и дети Московской лингвистической школы. М., 2004.

Кибрик 1992 – Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Кодзасов, Кривнова 2001 – Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.

Панов 2007 – Панов М.В. Воспоминания об Алексее Михайловиче Сухотине // Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку, т.2. М., 2007.

Поливанов 1968 - Поливанов Е.Д. Круг очередных проблем современной лингвистики // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.

Робинсон 2004 - Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

Хомский1972 - Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.